До Ясной Поляны, что в получасе езды от города, туляки готовы буквально довести за руку. Дорогу растолкует школьник, и студент, и рабочий. Остановка автобуса так и называется: Ясная Поляна.

В стороне осталась оживленная магистраль. Утро только начинается. Морозно. Небо покрыто неестественной синью. Вот — вот из-за могучих деревьев появится солнце. А кругом снег, снег...

«Не оставляйте мысль посетить нас. Снег у нас белый, как снег, и в воздухе кислороду и озону пропасть», — так приглашал Толстой в гости в Ясную Поляну В. В. Стасова. Это было более восьмидесяти лет назад. Может быть, вот в такое же ясное утро писатель отправил то письмо.

Две белые башни служат входом в усадьбу. Дорога, огаймленная стройными березами, называется, как и в старину, «Прешпект». И эти ворота, и «Прешпект» неоднократно упоминались писателем в романе «Война и мир», когда речь шла об имении Бодяковских «Лысые горы».

«А летом, — как вспоминает один из современников Толстого, — все ученики школы в Ясной Поляне во главе со Львом Николаевичем купались в пруду, показывали ему свое искусство: прыгали с берега в разгонку, плавали, ныряли, перегоняли друг друга. А Лев Николаевич лежал на траве, подпершись рукою под голову, и смеялся во весь рот, в особенности, когда кто хотел показать себя, а не выходило».

Удивительные чувства охватывают человека, проходящего по ровным, ухоженным аллеям усадьбы. Вот паша, теплицы, яснополянский парк, пересеченный липовыми аллеями, которые, сходясь в центре, делают массив на клинья. Поэтому и название у парка — Клины. Здесь любил гулять Толстой,

здесь он обдумывал свои произведения. Лев Николаевич причастен в усадьбе к самой маленькой мелочи: 50 лет он здесь жил, работал, писал, каждая вещь напоминает о хозяине.

Традиционные бахилы уже надеты на ноги, входим в дом Толстого, где им была написана большая часть произведений: «Война и мир», «Ан-

Моя Родина — СССР

«...СРЕДИ ЧИСТОГО СНЕГА И НЕБА»

на Каренина», многие главы «Воскресения». Здесь он принимал друзей: Тургенева, Чехова, Короленко, Горького, Крамского, Стасова, Мечникова...

Обстановка в доме подлинная, та самая, которая окружала в свое время писателя. А ведь на нее покушались гитлеровские вандалы, ворвавшиеся в конце октября 1941 года на автомашинах и танках в усадьбу и превратившие дом Толстого в солдатскую казарму. При отступлении фашисты подожгли дом. Но горстка людей: научные сотрудники музея, служитель и бывший кучер писателя, спасли дом от пожара. И сразу же для советских воинов была проведена первая экскурсия.

Дом пустой (все наиболее ценное было эвакуировано еще до прихода фашистов), со следами разгрома и пожара, но советские солдаты и командиры шли и шли на поклонение к писателю. Только на два месяца прерывался этот живой поток. Фашисты дорого заплатились за надругательство над памятью великого писателя.

Неторопливо ведет рас-

сказ экскурсовод. Проходим большую светлую комнату — зал, где часто собиралась вся семья писателя. Рядом кабинет писателя — верхний, где были написаны «Юность», «Поликуша», «Хаджи Мурат», «После бала».

А в окно кабинета рвется солнце. В солнечный день особенно остро понимаешь смысл названия усадьбы Ясная Поляна.

Лев Николаевич ушел навсегда из Ясной Поляны ночью 28 октября 1910 года. В его спальне такой и сохранена обстановка, какой она была в ту ночь. Простая кровать, полотняная блуза, вязаная куртка, холщовый халат, головные уборы, складная трость и гимнастические гири — все это аккуратно разложено, и создается впечатление, что хозяин этих вещей вот-вот войдет в комнату.

Около двадцати лет писателю служила рабочим кабинетом «комната под шпалерами», а рядом с ней — последнее помещение дома, где 22 ноября 1910 года, в день похорон Л. Н. Толстого, стоял привезенный со станции Астапово гроб с его телом. Через эту комнату прошли тысячи людей. И каждый, прощаясь с любимым писателем, оставил здесь частичку скорбящего сердца.

Писатель завещал похоронить его просто, место погребения на краю оврага Толстой указал сам: «...Главная тайна о том, как сделать, чтобы все люди не знали никаких несчастий, никогда не ссорились и не сердились, а были бы постоянно счастли-

вы, эта тайна была, как он (Николенка — брат Л. Н. Толстого) нам говорил, написана им на зеленой палочке, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага старого Заказа, в том месте, в котором я, так как надо же где-нибудь зарыть мой труп, просил в память о Николенке закопать меня». Так писал Толстой.

Много времени и сил необходимо, чтобы ознакомиться с Ясной Поляной полностью. Это и литературный музей, и Яснополянский заповедник, занятый лесами и фруктовыми садами. Большинство посадок Лев Николаевич сделал сам. Он очень любил березы. В Ясной Поляне из 180 гектаров земли, занятой лесом, 128 принадлежат березам. В семидесятые годы прошлого века в усадьбе появилась березовая роща, сохранившая до наших дней название Абрамовская. Ее посадил сам Толстой при участии садовника Абрамова. В эту рощу в 1900 году Толстой водил гулять А. М. Горького, который впоследствии вспоминал: «Был осенний хмурый день, моросил дождь, он (Толстой), надев тяжелое драповое пальто и высокие кожаные ботинки, — настоящие мокроступы, — повел меня гулять в березовую рощу. Молодо прыгает через канавы, лужи, отряхивает капли дождя с веток на голову себе и... ласково гладит сероватые, атласные стволы берез».

...Тихо в лесу. Слышно лишь, как перелетают с ветки на ветку синицы. Люди подходят к живой изгороди, за которой на небольшой поляне высятся холмик — скромная могила великого Толстого. Мужчины молча снимают шапки. Стоят. Долго стоят и думают. Уходить не хочется. На память приходят слова Л. Н. Толстого: «У нас нехорошо только в смысле городской суеты. Часто вспоминаю и об уединении среди чистого снега и неба».

М. ЮРЬЕВ.